
Дом, 30 марта, 1881

Дорогой Берти, после твоего возвращения в Америку мне стало очень тебя не хватать, поскольку ты — единственный человек в этом мире, с кем я мог разговаривать совершенно откровенно. Не знаю, что тому причиной, поскольку теперь, размышляя над этим, я вспоминаю, что никогда не имел счастья пользоваться твоим ответным доверием. Впрочем, возможно, что в этом виноват я сам. Может быть, несмотря на мои старания, ты не видел во мне хорошего собеседника. Могу лишь сказать, что для меня ты был именно таким хорошим собеседником, который может не только выслушать, но и понять, и прочувствовать то, что ему говорят. Знаешь, порой меня посещает мысль, что я бываю слишком назойлив. И все же нет, всеми фибрами души я чувствую, что мои откровения не утомляют тебя.

Помнишь ли ты Каллингворта из университета? Занятия по атлетике ты не посещал, поэтому вполне может быть, что не помнишь. Как бы то ни было, я буду исходить из того, что ты его не помнишь, поэтому расскажу все с самого начала. Хотя, может статься, что ты узнал бы его по фотографии, потому что он был самым уродливым студентом на нашем потоке и на такое лицо просто невозможно не обратить внимание.

Он был хорошим атлетом, одним из самых быстрых и напористых форвардов в университетской команде регби, которых я когда-либо видел, только играл он слишком грубо, поэтому на международные соревнования его не выпускали. Он был высоким, наверное, около пяти футов девяти дюймов, с широкими плечами и развитой грудной клеткой, и у него была своеобразная, какая-то подпрыгивающая походка. Голова у него большая и круглая, как мяч, а волосы — короткие, жесткие и торчащие, словно щетка. Лицо у него удивительно уродливое, но это уродство, так сказать, осмысленное, которое так же привлекательно, как красота. Подбородок и надбровья — угловатые, как будто наспех вырубленные из куска камня, нос — хищный, с красными ноздрями, водянистые близко посаженные глазки могут принимать как очень веселое, так и исключительно грозное выражение. Верхнюю губу его украшали жесткие усы, зубы у него желтые, крупные и выпирающие. Можно добавить, что он никогда не носил воротничка или галстука, шея его цветом и видом напоминала кору шотландской ели, а голос и в особенности смех — рев быка. Теперь ты можешь себе представить (если, конечно, тебе удастся мысленно соединить все это в одну картину) внешний облик Джеймса Каллингворта.

Однако в этом человеке наиболее интересен был не внешний, а внутренний облик. Я не хочу делать вид, будто знаю, что такое гений. Мне всегда казалось, что Карлейль дал очень хорошее, ясное и лаконичное определение тому, чем гений *не* является. Помимо того, что гений является бесконечным источником мук, его основной характеристикой я, на основе своих наблюдений, мог назвать то, что он позволяет своему носителю добиваться определенных результатов, так сказать, инстинктивно, в то время как остальные люди могут достичь таких же результатов исключительно

тяжелым упорным трудом. В этом смысле Каллингворт является величайшим гением из всех мне известных. Я никогда не видел, чтобы он работал, и тем не менее награду по анатомии получил именно он, а не остальные студенты, которые корпели над учебниками по десять часов в сутки. Этому можно было бы и не придавать особого значения, ведь могло быть и так, что днем он просто делал вид, что ничего не делает, при этом наверстывая упущенное по ночам, но достаточно было заговорить с ним на какую-то отвлеченную тему, чтобы убедиться в его оригинальности и необычных способностях. Если его спрашивали, допустим, о торпедах, он тут же брал в руки карандаш и на обороте старого конверта, выуженного из кармана, набрасывал схему какого-нибудь хитроумного устройства для пробивания судовых сетей и бортов, которое, несомненно, с технической точки зрения было невозможным, но выглядело весьма правдоподобным и новым. Рисуя чертеж, он хмурил ершистые брови, от усердия маленькие глазки его блестели, а губы сжимались в тонкую полоску. В завершение он хлопал по работе раскрытой ладонью с восторженным криком. Глядя на него в ту минуту, можно было бы подумать, что изобретение торпед — его единственная цель в жизни. Но уже в следующий миг, стоило лишь высказать удивление по поводу того, как древним египтянам удавалось затаскивать огромные каменные блоки на верхушки пирамид, снова появлялись карандаш и конверт, и он с тем же усердием и энергией погружался в составление схемы, подсказывающей решение с инженерной точки зрения. Эта изобретательская жилка соединялась в нем с необычайной возбудимостью. Расхаживая по комнате из угла в угол своей чудной торопливой походкой, после какого-нибудь подобного изобретения, он за пять минут успевал его запатентовать, взять тебя в деловые партнеры, внедрить свою находку во всех

странах мира, обозреть все области ее применения, подсчитать возможные барыши, придумать, как их выгодно пустить в оборот, и, наконец, удовлетвориться самым большим состоянием, когда-либо заработанным одним человеком. И его речи захватывали, ты проделывал каждый шаг вместе с ним, после чего испытывал дикое разочарование, когда опускался с небес на землю и, идя по улице с керковским учебником физиологии под мышкой, вдруг начинал понимать, что ты всего лишь бедный студент и в кармане у тебя едва ли хватит монет, чтобы как следует пообедать.

Только что я перечитал написанное и понял, что все-таки не сумел передать, как дьявольски умен Каллингворт. Его взгляды на медицину иначе как революционными не назовешь, но я думаю, что, если все пойдет должным образом, у меня еще будет возможность подробно написать об этом. При удивительном и необычном даре, прекрасных физических данных, странной манере одеваться (шляпу он носил исключительно на затылке, а горло никогда не прикрывал), при зычном голосе и безобразном притягивающем лице, это была настоящая личность, наделенная такой внутренней силой, которой я не встречал больше ни у кого другого.

Тебе, возможно, покажется, что я слишком много внимания уделяю этому человеку, но, поскольку, как мне кажется, его жизнь необычайно тесно переплелась с моей, для меня он представляет особенный интерес. Я пишу все это для того, чтобы, с одной стороны, оживить собственные полузабытые мысли и ощущения, и, с другой, — в надежде, что рассказ мой станет для тебя занятным и интересным. Поэтому мне кажется, что не лишним будет привести еще один-два примера, которые позволят тебе лучше понять его характер.

Он не лишен определенного геройства. Как-то раз он был поставлен перед выбором: либо скомпрометировать